

ОТРАЖЕНИЕ В РЕЧИ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАРТНЕРОВ ОБЩЕНИЯ

И.А. ЗАЧЕСОВА, Н.Д. ПАВЛОВА

Социальный статус говорящего, цели и мотивы его деятельности, ориентация на конкретную аудиторию или слушателя во многом определяют характеристики произносимой речи, что требует расширения контекста исследований, рассмотрения речи в структуре общения.

Тенденция все более широкого исследования проблем речевой коммуникации отчетливо проявилась в последнее время в изменении предмета традиционных дисциплин; в дифференциации ряда новых специальных направлений. Так, устойчивый интерес современной лингвистики к семантической проблематике привел к пересмотру идущего еще от Ф. Соссюра представления о тексте как абстрактном объекте, оторванном от условий порождения и человеческой деятельности. Лингвистика текста, исследования разговорной речи, разработка номенклатуры функций языка и правил его использования — вот некоторые примеры известной переориентации собственно языковедческих работ [8], [16], [18], [23], [24]. В психолингвистике очевиден поворот от ориентированной на «идеального говорящего - слушающего» [14] трансформационной концепции Миллера— Хомского к анализу речевых процессов у реального включенного во взаимодействие коммуниканта [11], [19], [25]. Осознание решающей роли социального контекста в интерпретации сообщения и реагировании на него послужило толчком к широкому изучению прагматической функции языка-речи. Основные понятия теоретической прагматики как раздела семиотики выделены на основе учета одной стороны коммуникации — процесса понимания, восприятия речи [1], [4], [20]. В дальнейшем в сферу исследований включен и другой аспект — прагматические возможности языка с точки зрения реализации типовых социальных целей и коммуникативных задач [9].

Тенденция достаточно полного учета коммуникативного контекста до сих пор не утвердилась в практике психологических исследований. Так, неоднократно отмечалось, что, вопреки утвердившемуся положению о коммуникативной природе речевых процессов, исследования речи и общения ведутся в большой мере изолированно [10], [12], [13]. Разобщенность разработок по проблемам межличностных отношений, совместной деятельности, вербальных и невербальных средств общения, процессов слушания и говорения сказывается в том, что существующие подходы к анализу семантики речи нацелены почти исключительно на выявление логической, понятийной структуры [5], [6], [7], [22]. Другие аспекты семантики, такие, как отражение в высказывании позиции собеседников, эмоционального настроения, прагматической направленности, учитываются (причем по отдельности) лишь в ряде специально ориентированных работ [2], [3], [15].

Обмениваясь информацией фактического характера по поводу некоторого объекта, коммуниканты выражают свое отношение к обсуждаемому, партнерам по коммуникации, ситуации общения в целом. Адекватный способ представления текста должен, наряду с логической структурой, раскрывать и другую сторону — отражающиеся в тексте коммуникативные отношения. Необходимость «понять речь ... как жизненный факт в подлинном его значении, понять говорящего» [17, 25], психологические проблемы овладения речью, оценки речевых способностей, понимания и многие другие ставят исследовательскую практику перед задачей выработать действенные приемы более адекватного разноаспектного анализа семантики текста.

С учетом ориентированной на целостное видение предмета задачи в основу разрабатываемого подхода положена коммуникативная модель речевого процесса, предложенная Т.Н. Ушаковой [21]. Согласно модели, в речевом продукте (тексте) проявляются факторы двух типов: относящиеся к субъекту общения «факторы-Я» и

«факторы не-Я», относящиеся к партнерам по коммуникации и ситуации общения. Среди них выделяются текстовые элементы фактологического и рефлексивного характера. Использование этих представлений в практике семантического анализа позволяет охарактеризовать влияние различных коммуникативных факторов на речь, в перспективе подводит к выявлению специфики текстов различной прагматической направленности и индивидуальных особенностей речи. Один из аспектов разрабатываемого подхода — отражение в речи коммуникативного отношения «Я—партнер» рассматривается в настоящей публикации. Необходимо охарактеризовать влияние этого отношения на речевой продукт, выявить формы его проявления и показать их регулярность. Идея анализа заключается в том, чтобы применить представления о диалогичности слова, о формах выражения оценочности, модальности и т.п. к анализу спонтанных диалогов и на этой основе выявить связанный со структурой и особенностями общения пласт семантики.

В качестве экспериментального материала использованы записи научных дискуссий. При анализе зафиксированных дословно 37 речевых текстов выделялись текстовые элементы — минимальные содержательные целостности, выражающие определенные коммуникативные отношения. Лексический состав текстовых элементов оценивался количественно.

Дискуссия на заданную, заранее определенную тему предполагает обсуждение, оценку прежде сказанного, выражение собственного мнения о предмете. Постоянное соотнесение точек зрения, обусловленная коммуникативной задачей «диалогичность» содержательного строя — характерная особенность речи в дискуссии. Как показывает проведенный анализ, «факторы-Я» коммуниканта в соотнесении с факторами «партнера» проявляются при этом достаточно отчетливо. Как это происходит? Вначале о том, в каких формах в содержательном строе речи проступают «факторы-Я».

I. Сообщая о каких-то данных, говорящий в дискуссии обычно лишь вскользь обозначает их («изложение фактов» — в среднем около 10 % общего объема текста) и строит на этой основе свою аргументацию. Нейтрально - констатирующее, фактическое изложение сменяется интерпретацией, изложением своего мнения о предмете. При выражении собственной точки зрения (составляет значительную часть анализируемых текстов — от 20 до 90%) отчетливо проявляются особенности оценки говорящим своего статуса в данной аудитории. Представления о распределении статусных ролей регулируют отбор языковых средств. Модальность речи, определенность суждений, выявленность противопоставляемых позиций, потребность сослаться на общепризнанное или подчеркнуть частный характер своего мнения — эти и другие признаки позволяют дифференцировать по речи различные варианты оценки коммуникантом своей авторитетности.

Вариант 1 — «по тем или иным причинам (административное или научное положение, признанная компетентность в вопросе и т.д.) имею право на особое, определяющее мнение» — выделяется в первую очередь долженствующей модальностью. Например: /...Н с коллективом нужно продумать над тем, чтобы была ясность в терминологии/, /...специфический психологический аспект должен быть прописан более ярко/.

Вариант 2 — «могу высказать собственное суждение, оно весомо и будет адекватно воспринято», — сходный с 1-м определенностью суждений, отличается более мягкой модальностью предложения, совета. Например, фрагмент выступления /... уровни, которые вы назвали, и функции, все-таки они очень субъективны, на мой взгляд ... Что из чего-то это состоит — это верно. Но я боюсь, что таким путем выделите не уровни, а прямо элементы.../.

Вариант 3 — «могу высказать свое частное мнение по вопросу, не претендуя на то, что оно верно, единственно и убедительно» — характеризуется размытостью выдвигаемых позиций, предположительностью суждений, обычны также ссылки на авторитеты и пр. Например, в ответе на вопрос: /Это задача нового и огромного исследования. У нас такая задача не ставилась. Как я сама для себя решаю этот вопрос. Это связано, может быть,.../;

/... В моем понятии — я все-таки перевожу это на какие-то наглядные, или можно, условно говоря, функциональные представления — это все-таки есть какое-то взаимодействие, каких-то больших, ну я не знаю там, допустим, условно говоря, функциональных структур. Ну как, например, N. представлял это .../.

«Факторы-Я» проявляются в речи не только при формулировании суждений. Определенную роль играют многочисленные в ситуации дискуссии комментарии. Связанные с потребностью уточнить, пояснить изложение, многие комментирующие высказывания отражают общую ситуативную самооценку, рефлексии текущей речи и ее особенностей. Например, в выступлении: /... Я начал об этом говорить и ушел немного в сторону .../ в заключение развернутого вопроса: ...Это вот такой вопрос. По-моему, сформулирован достаточно конкретно/ или в ходе ответа: /... Я об этом говорю и, как уже говорил, теперь повторяюсь. В общем так .../.

В общей форме «факторы-Я» проявляются также в вводных, метатекстовых включениях, типа: «возможно», «может быть», «как бы», «что ли», «ну, я не знаю там, допустим, условно говоря» или наоборот: «бесспорно», «конечно» и т.п., создающих общий *уверенный* или *неуверенный* тон речи.

У отдельных людей встречается так называемое ячество — прямое, порой нарочитое упоминание своей персоны. Например: /... Все три названных фамилии людей, с которыми приходилось говорить, они ломали голову как раз над представлениями, и не представлениями просто пространственными, но диссертация в моем архиве даже лично есть. Так, товарищи, представления наши ...;/ /Во-вторых. Ну, все присутствующие знают, что я иногда подчеркиваю в этом мнение N. Честно говоря, я просто солидарен с этим мнением, и даже если бы он изменил свое мнение, то я бы его не изменил. Так вот, такая постановка исследования помогает, так сказать, понять работу .../. Такого рода, по существу, не связанные с ходом изложения высказывания составляют иногда до 20 % объема текста.

II. В общении с конкретными людьми, даже в такой малой пригодной для выражения личного отношения ситуации, как научная дискуссия, коммуниканты не остаются беспристрастными. **Отношение к партнеру** постоянно проявляется в особенностях обращений, их лексике, модальности. Форма обращения может выявлять как социальную иерархию, так и, при равенстве социальных статусов, выражать личное отношение к партнеру. Примером определенной оценки партнера (и косвенно — оценки собственного Я) могут служить следующие высказывания: /... А можете ли, задались ли вы вопросом, почему это так?;/ /... Вопрос вам понятен?;/ /Хорошо. Если вам легче с этого начать, начните с этого. Потому что в целом я хотел бы .../.

Отношение к партнеру может выражаться в общепринятых, трафаретных формах типа: /Благодарю вас, вопрос очень интересный...;/ /... Спасибо большое, мне очень приятно, что вы спросили об этом/. Уважительное отношение может проявляться в форме отсылок к речи партнера, подчеркивающих несомненную значимость сказанного: /... Мне кажется, что функции этого подразделения будут состоять не только в том, чтобы синтезировать данные других наук,— а они должны быть здесь учтены,— но и ...;/ /... Мне показалось, что, может быть, такая была стратегия доклада, что, сформулировав общий подход, N. не очень подчеркнула .../.

III. Влияние коммуникативного отношения «Я — партнер» на речь обнаруживается не только проявлением социально-личностных характеристик. Задача установить и поддерживать контакт предполагает постоянное обращение к аудитории, уточнение взаимопонимания, использование приемов привлечения и удержания внимания. Ориентируя речь на слушающего, говорящий прибегает к разнообразным средствам «коммуникативной адресации», оптимизирующим восприятие излагаемой мысли. /А вот не могли бы вы сказать .../, /Понимаете .../, /Скажите, пожалуйста, буквально одно слово .../ — эти и другие подобные им выражения составляют группу неспецифических, лишенных какой-либо конкретной информационной нагрузки формальных средств решения

названной коммуникативной задачи.

Другие, также широко употребляемые, средства установления контакта с аудиторией обнаруживают значительно большую связь с ходом дискуссии. Непосредственно соотнесены с содержательным планом высказывания, направленные на уточнение понимания /...Вы это имеете в виду?/, /Я так поняла ваш вопрос?/, /Достаточно?/ — в начале ответа и уточняющие коммуникативное намерение говорящего комментарии / Попробую еще раз ответить на ваш первый вопрос о .../; Я буду краток. У меня несколько, буквально три пожелания. Первое ... Теперь второе ... И третье и последнее пожелание .../. Некоторые очень эффективные приемы актуализации внимания слушателей вообще не предполагают отступления от хода изложения: /... Все нужно познавать в движении. А что такое движение? Это .../; /... Объективный критерий здесь понятен. Это — достижение полезного результата. И это ясно .../. Примеры этого типа свидетельствуют об умении «говорить на собеседника», вовлекать его в ход рассуждения.

Сходное с последним значение (если говорить о двустороннем контакте) имеет такое построение речи, при котором содержание, насколько это возможно, соотносится с высказываниями партнера: /... уровни, которые вы назвали, и функции, которые вы описываете, они .../, /... Значит, только такой подход здесь возможен. А то, что из чего-то это состоит,— это верно. Но боюсь, что так выделите не уровни, а .../.

Особое место занимают приемы эмоционального воздействия на аудиторию. В анализируемых материалах иногда встречаются экспрессивные выражения, а также своеобразная форма языковой игры, прибегая к которой говорящий актуализирует внеязыковой фон, включает его в акт коммуникации. Контраст говоримого и ситуации (в самом широком смысле) вызывает эмоциональную реакцию слушателей. Например:

/... Доклад нужно одобрить и, по-морскому говоря, «Так держать!»/; /... пользуясь выражением моего соседа, это ... .

Фактор коммуникативной адресации может, таким образом, затрагивать как содержательные, так и эмоциональные аспекты коммуникации.

IV. С учетом коммуникативных отношений непосредственно связан и фактор «изложение содержания». Задача адресовать слушателей к определенной области знаний, очертить предмет, о котором пойдет речь, при заданности темы дискуссии в большинстве случаев приводит к повтору определенных частей обсуждаемого материала. Если говорящий отклоняется от темы, обозначается тот дополнительный ряд фактов, которые он предполагает обсудить. Различия в выраженности данного фактора связаны с умением четко, неизбыточно очертить предмет, попутно высказав о нем суждение, и необходимой конкретизацией материала. По нашим данным, «изложение содержания» может составлять до 50 % объема текста.

На материале дискуссии показано регулярное отражение в речи коммуникативного отношения «Я—партнер»: выявлены некоторые формы проявления «факторов—Я» говорящего, отношения к партнеру, так называемые коммуникативная адресация и изложение содержания. Завершая рассмотрение, остановимся на некоторых предварительных результатах, раскрывающих возможности разрабатываемого подхода.

На основе учета качественных особенностей и выраженности коммуникативно обусловленных факторов речи выявлены особенности текстов различной прагматической направленности. Так показано, что в вопросах отчетливо выражено отношение к партнеру, в ответах и выступлениях незначительную роль играют «изложение содержания» и «коммуникативная адресация». Это намечает перспективы использования настоящего подхода для характеристики различных видов речи, соотнесения их особенностей со спецификой коммуникации.

Намечаются также относительно устойчивые индивидуальные различия продуцируемых текстов по следующим основным линиям:

- приверженность определенным формам выражения Я;
- степень ориентированности речи на партнера;

способы привлечения и удержания внимания аудитории;
компактность, умение объединять в одном высказывании целый ряд разнообразных смыслов и отношений.

Дифференциально-психологический аспект анализа также предполагает существенное расширение фактического материала, соотнесение получаемых данных с результатами тестирования по личностным опросникам. Ввиду практической значимости разработок по речевой диагностике это направление анализа приобретает самостоятельный интерес.

Коммуникативная направленность накладывает существенный отпечаток на речевое оформление мысли. Одно и то же содержание в разных условиях, при разной аудитории, в дискуссии с различными партнерами излагается по-разному. Используемый подход, основанный на выделении коммуникативно обусловленных факторов речи и их характеристике, позволяет эти различия выявить. Поскольку в исследованиях влияния общественной ситуации на речевое поведение дискуссия рассматривается как один из шести возможных вариантов устной речи [8], мы полагаем, что варьирование условий общения позволит существенно расширить перечень коммуникативных факторов и детализировать анализ.

1. Булыгина Т.Б. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. ЛЯ. 1981. Т. 40. № 4. С. 18—39.
2. Васильева И.И. О значении идеи М.М. Бахтина о диалоге и диалогических отношениях для психологии общения // Психологические исследования общения / Под ред. Б.Ф. Ломов, А.В. Беляева, В.Н. Носуленко. М., 1985.
3. Витт Н.В. Эмоциональная регуляция речевого поведения // Вопр. психол. 1981. № 4. С. 60—69.
4. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. ЛЯ. 1981. Т. 40. № 4. С. 83—94.
5. Добраев Л.П. Логико-психологический анализ текста. Саратов, 1969.
6. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
8. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
9. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
10. Кучинский Г.М. Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач // Проблема общения в психологии / Отв. ред. Б.Ф. Ломов. М., 1981.
11. Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.
12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
13. Ломов Б.Ф. Проблема общения в психологии / Проблема общения в психологии. М., 1981.
14. Лурия А.Р. Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике: (Размышления психолога о книгах Н. Хомского) // Вопр. философии. 1975. № 4. С. 148—160.
15. Неволин И.Ф. Психологические особенности переработки текстовой информации в условиях ограничения времени // Новые исследования в психологии. 1975. № 2. С. 62—71.
16. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
17. Рубинштейн С.Л. Мышление, язык и речь // Вопр. психологии. 1974. № 5. С. 21—38.
18. Русская разговорная речь. Т. 1. М., 1973.
19. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
20. Степанов Ю.С. В поисках прагматики // Изв. АН СССР. Сер. ЛЯ. 1981. Т. 40. № 4. С. 46—61.
21. Ушакова Т.Н. Методы исследования речи в психологии // Психол. журн. 1986. № 3. С. 26—39.
22. Чистякова Г.Д. Формирование предметного кода как основа понимания текста // Вопр психол. 1981. № 4. С. 50—59.
23. Polenz P. Idiolektale und soziolektale Funktionen von Sprache // Leuvense Bijdragen. Tijdschrift voor Germaanse filologie. 1974. 63. S. 84—98.
24. Schmidt S. J. Texttheorie Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation. Munchen, 1973.
25. Slama-Casacu T. Code levels, interdisciplinary approach and the object of psycholinguistics // Revue roumaine des sciences sociales. Serie de psychologie. 1970. N 14. P. 51—77.